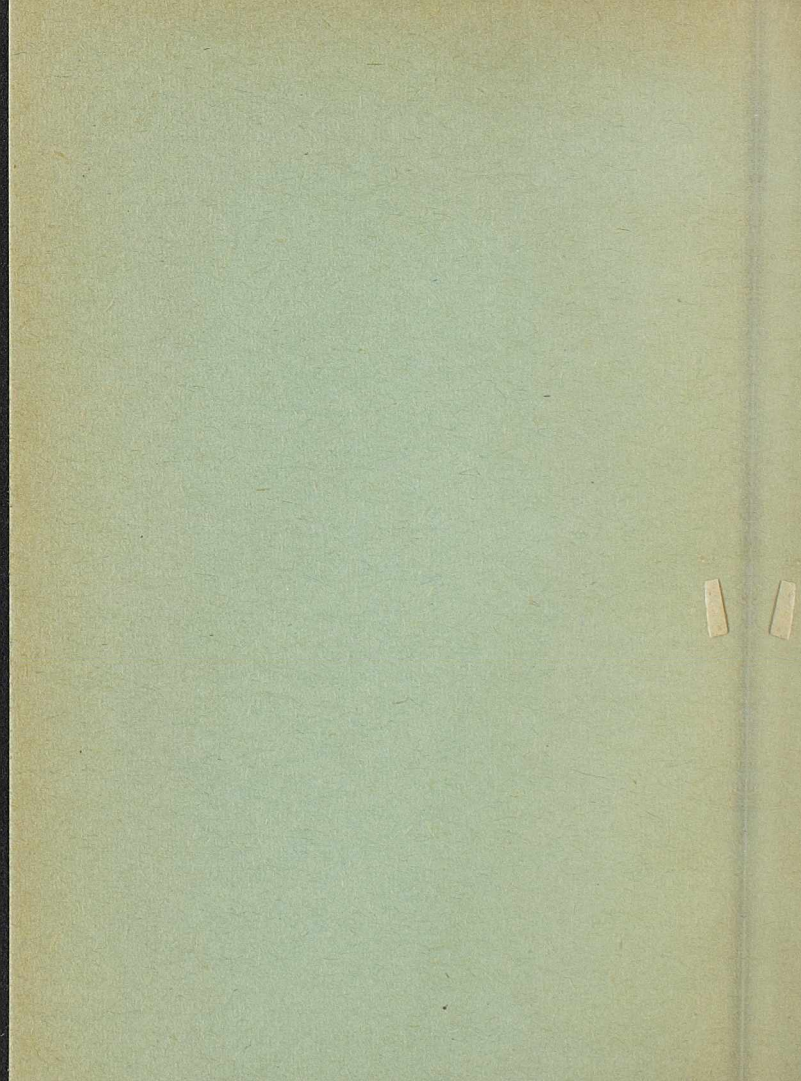

P 1273

У.Б.

40
25
= 0.60 = 4200

40
40
150
80
250

~~6~~
8

П Р Е В О Д И

МІЯИЛА Ї. БЕЛЕШЕВИЇА

у оставки Канцелнсте Апелационогъ Суда II. Одѣленія.

Свезка I.

~~БК 690~~
P 1273

КОЗАЧКА ОСВЕТА

ИЗЪ

ЧАЙКОВСКОГЪ,

съ немачкогъ преведена.

У БЕОГРАДУ,

при правительственной книгопечатнѣи.

1854.

УНИВ. БИБЛИОТЕКА

№ И. Бр. 22267

БЛАГОРОДНОМУ ГОСПОДИНУ

МИЛАНУ АЛЕК. СИМИЋУ,

Столоначалнику у Попечит. Просвете,

з б о г њ

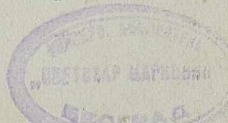
признателности и благодарности

посвећуе

ИЗДАТЕЉ.

УН
72

На усамлѣномъ Хнилопіяту, гди се садъ село Слободица са своимъ белымъ, надалеко разсеянымъ колибама пружа, лежала є некадъ велика варошь, бѣше некадъ великій замакъ; ту су се виђале яке куле жућкастомъ маовиномъ обрастле, тврде зидине, честымъ пушкарницама покривене и висока места, съ кои бы се неприятель усмотрити могао. Колико є пута съ нѣи око козака прегледало пустаре, колико є пута козакъ дубоко уздануо: недолази, недолази, татарскій сынъ. И подземны тамница бѣше ту, дубоки и страшны, влажны и смрадомъ струлежи испунѣны, као гробъ. Но садъ покриваю чбунови и распространѣный коровъ некадашню авлю замка, ту се невиди никакво гариште одъ старогъ замка, ту нележи никакавъ камень одъ негдашнѣи зидина, нити се светли каква кость одъ пређашнѣи обитателя изъ цбунова. Само кадъ овде и онде козачка деца на дрвенымъ коньма узъ замакъ потрче, као да бы неприяте-

ля вребали, као да бы га на бой позивали; онда земля тутњи и у дубльини ясно еца, као да бы хтела изказати и обелоданити све оно, што о томъ старомъ замку зна. По некадъ се какавъ старый войникъ узъ замакъ узпужа и приповеда любопытнымъ людма стару исторію о овомъ замку. И я самъ некадъ слушао єдну одъ овы приповедкій, кою вамъ ево саобщавамъ:

I.

Тишина бјаше у вароши, већъ є првый путь после поноћи петао запоја. Смртный покой владао є на пустари, већъ є курыакъ у риту заурлао. На бедемима, на кулама и предъ капіяма замка, обилазиле су непрекидно многочислене страже съ умеренымъ корацыма, као да су у оной земљи, у којой рать бесни и у којой се мачъ никадъ у корице непушта. Но ни у замку нису іоштъ сви спавали. У гостинской соби, у којой су зидови скерлетно-црвенымъ, златомъ богато извезенымъ ћилимима покривени были, видиле су се іоштъ три особе; єдна жена млада и лепа, али жалостна и бледа, да л' збогъ

душевне ил' тѣлесне бѣлъ, тешко є было опредѣлити; єданъ човекъ средованъ, строге озбиљности у лицу, но безъ суровости; дубока замишљеностъ почивала є на нѣговомъ челу, нема туга огледала се у нѣговимъ очима, ахъ, и онъ є морао имати неизлечиме ране, али пре у души него на тѣлу; и єдно детенце у колевки, анђелакъ съ плавомъ косомъ и руменимъ образима, у тихомъ сну, и смешило се као да сладко сая. —

Свећа є слабымъ зракомъ осветљавала собу; госпа є стаяла кодъ колевке детинѣ; она се часъ сагибала къ главици детета, као жалостна врба преко мирногъ огледала рибњака; часъ бы се опетъ усправила као витка топола, и погледала бы с' поноснимъ чувствомъ на — на свогъ мужа, но зачасъ є опетъ спустила главу дубоко уздишући.

Човекъ є дугимъ корацима одао по соби горе доле; онъ нїє брояо кораке свое, онъ нї саяо о любезнимъ образима среће, ни о опіяюћой гордости величине и славе, него є страдао, као да му є грижа савести душу раздирала;

кадикадъ бацао е погледъ свой часъ на супру-
гу, часъ на дете; видило се, да е хтео нешто
рећи, али ніе смео уста отворити. Напослѣдку
приступи онъ жени и увати е за руку.

„Ано, ты си болестна?“

Равнодушно извуче она свою руку изъ нѣ-
гове: „Ніе ми ништа!“

„Садъ бы већъ могла престати плакати!“

„Я неплачемъ!“

„Али то е іоштъ горе, себе тако мучити, и
мало по мало убіяти!“

„Я немислимъ о самоубійству!“

„А опетъ чинишь самоубійство?“

„О, не!“

Онъ е опетъ увати за руку: „Ано, ты ме-
не нелюбишь? и нећешъ ме никадъ любити?“
Она е ћутала, али ніе извукла руку изъ нѣгове,
она е мирно држала свою руку у нѣговой, и не-
додирнувши е, тако круто, као да бы мртва бы-
ла. Онъ погледи на нѣно лице, и очи му се
наводне. „Погледай на ово дете Ано, на нѣга
се смилуй, немой га као сиротче остављати.“

„Оно има Отца!“

„Али оно потребуе и матерь!“

„Отаць ће му бити руководитель и примерь!“ и съ чуднымъ, као подсмевателнымъ изразомъ погледала є свогъ мужа. Онъ іой пусти руку. „Ано, престани, немой ми срдце парати (метнувши руку на срдце). О! оно ме и онако боле!“

Као помамлѣнъ корачао є по соби горе доле, као да бы тимъ движеніемъ хтео печаль свое душе разтерати; али ніе могао. Наеданпуть стане: „Єсть, єсть, я самъ издаица“ — и шкрипећи зубима нагрдіо є свое лице и севао є очима.

Жена задріѣ и спусти лѣпу главу къ колевцы, као да бы се ту, подъ заштитомъ дѣтѣта, одъ суровогъ мужевлѣвогъ погледа сакрити хтела. У неколико тренутака изчезнуо є изразъ нѣговогъ кипѣћегъ срдца; онъ приступи жени. „Ано, ты се плашишь одъ мене?“

Она подигне мртвачко блѣдо лице и мераше супруга одъ главе до пете съ погледомъ, у комъ небыше ни найманѣгъ трага одъ страа, или одъ суза.

„О не, господару! я се неплашимъ!“

„Ано, тако ти любви спрамъ овогъ бѣд-
ногъ детета, тако ти любви спрамъ твои' ро-
дителя!“

„Шта заповѣдашь господару? Я самъ се за
нѣя жертвовала, и юштѣ самъ готова свакогъ
тренутка!“

„Къ чему?“

„Себе жертвовати.“

„Само? и къ ничему другомъ?“

„Къ ничему!“

„Дакле се нећешъ смиловати ни на мене
ни на твоѣ дете?“

Она ћуташе.

„Дакле и никакове надежде, да ћешъ ме
кадгодъ любити моћи?“

Она ћуташе.

„Ано, говори, чиме бы твою любовь задо-
био? Я ћу чинити све! — Говори, тако ти Бо-
га, чиме?“

„Ничимъ.“

„Дакле, никадъ, никадъ ме нећешъ люби-
ти?“ —

„Никадъ.“

„Никадъ — никадъ?“

Она повтори: „никадъ — никадъ!“ —

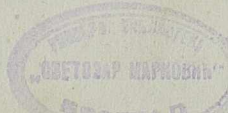
„Ха“ и изнова ишао е као бесомучанъ горе и доле, и кршио руке, као да бы све прсте изъ зглавака хтео поломити, и гризао е устне, да е крвь изъ нѣи текла; напо слѣдку савлада га, и онъ падне на ястукъ као мртавъ, као самртникъ.

Жена га погледи са леденымъ равнодушіемъ, али кадъ е уздануо, као да ће съ тымъ уздисаемъ духъ изъ прсію изтиснути, а затимъ плакати и ецати почео, као дете, као жена; онда приступи къ нѣму. „Господару, шта е теби?“ Онъ дође мало къ себи: „Мени ніе добро“, „Ано, мени ніе добро?“

„Ођу ли твогъ момка звати, господару?“

„Немой, фала! ово ће проћи,! — Ано, молимъ те седи до мене!“ — Онъ се окрене нѣой, и отре свое сузе.

Она седне, а онъ іой ухвати малу руку и полюби. „Ано, я нисамъ тако кривъ, као што самъ несрећанъ“ Богъ зна, а люди су мои сведоцы, како самъ те любіо, и како те іоштъ лю-

бимъ; я знамъ добро, да самъ едно преступленіе учиню“ — и уздане дубоко — „чуй Ано, кажи ми єдну речъ, пакъ ѣу поправити, пакъ ѣу престати живити.“ — на то уѣути и молю є съ неутѣщнымъ очима за одговоръ. Она ніє одвратила погледъ одъ нѣга, али му є одговорила — „Живи, господару!“

„А за кога да живимъ?“

„За твогъ сына, господару,“ и покаже рукомъ на колевку.

„За нѣга, єсть! — али я бы хтѣо и за тебе и за нѣга живити, но ты си несреѣна!“

Жена му погледи оштро уочи, и преко нѣны образа прелети лако, хитро движеніє; онъ іой притисне руку.

„Јдна Ано! ты си несреѣна, неможешъ ме любити, єрь ты си любила и любишь Димитрія.“ Она уздане и спусти црне очи къ земљи — „Єсть Ано — ты га любишь! кажи истину.“ —

„Господару, дай да о чему другомъ говоримо!“

„О не Ано, дай, да само о нѣму говоримо, онъ є тако благороданъ, тако храбаръ! Я при-

знаемъ да му у многимъ завидимъ, а найвише збогъ твоє любви. Немой ништа одъ мене тати, говори целу истину, као сестра предъ братомъ; ты га яко любишь Ано? Ты си тако несрећна, ако е онъ јошть живъ? “

„Шта? Заръ е умрѣо?“ — стра и туга прелети као муња преко нѣногъ лица.

„Успокой се, я незнамъ ништа, али две године, то е прилично дуго време!“

Првый путъ после дугогъ времена стаяле су опеть госпи сузе у очима, у присудству човека.

„Кажи ми, господару, я те молимъ, ты знашь, ты знашь шта се е съ нѣимъ збыло, я самъ се већ на несрећу навикла, одъ едногъ удара умрети нећу, кажи ми молимъ те!“ и притисне му лагано руку, и плакаше, као да бы му исплакала речъ, коя — коя ће јој велику несрећу предсказати. —

Нѣму е одвећъ тяжело было; али ю е сувише любіо, онъ е плакао съ нѣоме. „Ано, ты га

яко любишь, одвећъ яко!“ „Я га любимъ, любимъ, господару“ и пусти се съ ястукa на колена предъ нѣга, „но я самъ ти верна была, и бы ъу ти верна до гроба.“

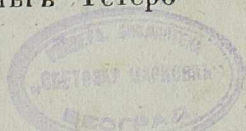
Онъ е подигне и полюби, и она му ніе бранила. „Ано, онъ мора живити! Ты га одвећъ любишь. Люби га дакле, люби изъ свега срдца. Оћемо ли о нѣму говорити? Да, само ћемо о нѣму говорити.“ На то е силно пригрли и обапе е полюбцима, а она плакаше, но ніе му се изъ наручія одтргла.

Дете е мирно спавало у своіой колевки; свећа біяше єдиный сведокъ овогъ разговора, овогъ чудноватогъ милованя, и бацаше садъ при издисаню кадъ и кадъ яснію светлость на околостоеће предмете. У томъ тренутку видило се, како су образи госпе одъ суза наново оживили и већимъ се румениломъ украсили, и како су озбиљне суморне черте на мужевльвомъ лицу мало по мало блажін изразъ добиле. Коє быо дакле тай човекъ? Ко біяше та госпа? Безъ сумнѣ: — *двоє несрећни.*

II.

Човекъ тай быо є Петаръ Якубовскій, полковникъ чехринскогъ козачкогъ полка, а жена: Ана Ябика, кћи Симеона Ябике, полковника коньовскогъ козачкогъ полка, готово две године манъ єдногъ месеца, за Петра Якубовскогъ удата.

Ово се догодило у оно несрећно доба, кадъ є Богданко Хмелницкій распалънъ бесиломъ на польско мало племство, више несмыслено него злоковарно, дивлѣгъ сусѣда у помоћъ позвао, и кодъ паштєня, необузданомъ израштаю раскалашне републике предѣль положити, и право поредакъ опетъ воспоставити, отачбини польской смртный ударъ нанео, почемъ се самъ нїе умео умерити, почемъ є самогъ себе, неразсуднымъ обстоятелствама наведенъ, одъ несмысленогъ коловође за великогъ преступника изобразію, и свога помагача, белога цара, лехискимъ козацима за господара натурію. У то доба буде Симеонъ Ябика съ каньверскимъ полкомъ у предѣль горнѣгъ Тетеро-

ва на зимниште посланъ , и обитаваше са сво-
іомъ женомъ и децомъ у старомъ Чуднову (чуд-
новатомъ замку) у средъ козака.

Госпођица Ана біяше тада текъ одъ се-
дамнаестъ година; али никаква изворна вода у
Украини небіяше свѣжія и живля одъ нѣ, и ни-
каква трска на Тетерову небіяше тако витка и
нѣжна као нѣнѣ стасъ; окретна и хитра као ве-
верица у шуми скакала є и играла и нѣнѣ ходъ
уподобляваше се округлымъ волнама траве на
пустари, кадъ є вечерњи ветаръ колеба. Ако є
на каквогъ момка погледъ устремила, то му є
срдце прострелила; ако ли се на нѣга осмену-
ла, то му є было тако сладко, тако любко, та-
ко мило, да є готовъ быо, дати коня и копль,
па и душу и животъ за ню; а кадъ бы га за ру-
ку ухватила, онда бы му кровь крозь жиле узки-
пила као ключала вода, и очи бы му се узплам-
тиле, као огань живый. О, чудна є то девойка
была, права полькиня, као чисто злато, єрь Си-
меонъ Ябика быо іой є отаць, польскій племиѣ,
способанъ носити грбъ, кровь одъ krwi єднога
одъ другова Пренчеслава ланкоронскогъ, одъ

оны юнака, кои су на дивлѣ обале Днѣпра ишли да бы весело и по козачкомъ обычаю, Турке узнемиривали, да бы своимъ прсима подигли насипъ противъ Татара, обкопъ за отачбину польску и за цело христiянство.

Симеонъ Ябика ніе быо богатъ ни сребромъ ни златомъ, ни свиленымъ оделомъ, или другимъ драгоценостима. Што є у своіой младости у рату уплячкао, то є у мирно доба разточіо и профућкао са своіомъ браћомъ козацима, сасвимъ по козачкомъ начину. Кадъ се съ госпођицомъ Аномъ Лобођанскомъ оженіо, имао є козачку альнину, саблю и оседланогъ коня, и — то є было све. После женитбе, ніе му се иманѣ ни найманѣ умножило; напротивъ растло є число нѣгове дѣце одъ године до године све више и више. Преблагій Богъ любіо га є, єрбо му є поклянао децу, а ѣаво му ніе завидіо, єръ га ніе съ новцемъ снабдѣо. У нѣговой шестдесеть деветой години имао є онъ десеть сынова и єдиницу ћерку, при томъ више одъ шестдесеть рана, коє одъ олова, коє одъ сабаля, прилично изнурено тѣло, али оштру саблю, бесне конѣ, и веселу козачку наравъ, къ томе іоштъ полковнич-

ку плату, кою му є годишнѣ плаћало Нѣгово Величество краль, и республика, као и еполете у рату и миру, а выше му ніє ни требало. Свы нѣговы десеть сынова послао є, єдногъ за другимъ, у населбине у запарожску землю међу уписане полкове, — єдномъ речи, онъ їй є учиnio правымъ козацымя; на путь дао є свакомъ, по старопольскомъ обичаю, єданъ дукать, и тридесеть батина по кожуу, и увекъ имъ є томъ приликомъ уселявао науку: „Покоравай се родительма и поштуй їй, а твогъ неприятеля уби, пакъ ћешъ быти человекъ.“ За нѣгову кћерь ніє се ни найманѣ бринуо, и кадъ бы нѣгова жена о томъ почела говорити, одговарао бы увекъ: „Девойка благонадеждна, вредна, за мушкарцима нетрчи, за удар'є има любкость и лепоту, къ томе прилажемо їоштъ мы стару славу наши предака и наше собствено, честно име, и тако ће лако добыти мужа“ Онъ є истину говоріо. Гомиле младића облетале су госпођицу; но међу нѣима найпретежнии су были: Петаръ Якубовскій польскій племићъ, наслѣдный землѣдржаць Андрушовке на Хуйви, и Димитрій Мохила, одъ праве козачке породице, пріятель и

другъ Ђаковскогъ , Курень Атамана у Запорогу и наслѣднѣй землѣдржаць Слободице и многи притяжанія на горнѣмъ Хнилопіату.

Якубовскій є свой тридесеть година у стану проживію ; онь є быо лепушкасть и лепогъ стаса. Премда су нѣгова споляшнѣсть и нѣгове прави нешто суровога у себи имале , то є опеть имао срдце , кое є могло любити и то усрдно любити ; но покрай тога имао є и урођено іогунство Русина , кои навекъ єдну исту песму пева : „Было што му драго , я тако ођу , па тако мора быти , и пре ѣу се съ Богомъ омразити , а съ ѣаволомъ здружити , него одъ мое во-лѣ одустати ,“ па ако се каснѣе за свое дѣло и кає , опеть се никадѣ съ пута невраћа , већъ све више и више у зло пада , и кои воле да му рекну : „Тай нитковъ зло ради ,“ него да за нѣмъ рекну , да оно , што є хтео , нѣе могао извршити , или да се данасъ гнушао одъ онога , за чимъ є юче грамзію .

Мохила є текъ двадесеть тређу годину навршію , момакъ лепъ , нагао , страстанъ , као правый козакъ свега се лаћао са живостномъ ва-

тромъ, са свимъ жаромъ нѣгова духа. Кадъ га є пламенъ нѣгове страсти обузео, онда є преко-
рачіо границе разума, онда є свакій одпоръ са-
свимъ немогућанъ быо. Кадъ є любіо, онда є у
любави занешень быо.

Срдце младе Ане повело се єднимъ тренуткомъ
за младимъ козакомъ; єрь докъ су іой нѣгове устне
речи о любви изговарале, сведочило є нѣгово
лице о истини нѣгова чувства; а суровый Яку-
бовскій, кои ю є такође равно любіо, и то све-
срдно любіо, пробудіо є своіомъ проситбомъ више
боязни него праве любви. Ана є любила Дими-
трія, и то ніє ни одъ когъ крила, и нѣни роди-
тели были су козаку наклонѣни; мати збогъ
тога, што є быо имућанъ господинъ, а отаць,
што є быо човекъ веселе нарави, кои му є сво-
имъ завадама и целымъ своимъ животомъ нѣго-
ву младость на паметь приводіо. Двапутъ су
се Мохила и Якубовскій збогъ госпођице бори-
ли и двапутъ є морао Якубовскій побеђенъ Мо-
холи съ боишта се уклонити. Већъ є была го-
спођица Ябика съ господиномъ Мохиломъ обру-
чена, и сватба є имала свршити се безъ одла-

ганя, када се они несрећни случаи надъ Польскомъ као облаци навукоше, кадъ онај унутрашній ратъ, Хмелницкимъ подпалѣнъ, букну, кои се текъ у позднимъ годинама съ падениємъ козакства и ослабленѣмъ Польске окончало.

Ябика добиѣ заповестъ одъ Хмелницкогъ, да са своимъ полкомъ што брже може къ Белой Цркви ступа. Старый полковникъ колеба се, да ли ће заповести Атамана слушати, или свой полкъ польскомъ Хетману водити; али напоследку войничка дужность и воена дисциплина одржи побѣду надъ бригомъ Поляка, кои е приближаваюћу се несрећу тамно предвиђао, о плановима Хмелницкогъ ни најманѣ незнаюћи. Онъ се само за еданъ тренутакъ предомышляо, па затимъ оде са своимъ полкомъ у Белу Цркву, и поведе са собомъ супругу и кћерь, рекавши Мохили: „у Белой Цркви благослови ћу васъ; отаць Атаманъ неће ми крастити, мою кћерь къ олтару привести!“ Младенци су истина при разстанку плакали, али е опетъ едно друго тѣшило речма: „Мы ћемо се видети за неколико дана!“ Мохила бы одма съ

нѣма одездіо, али є башь тада неодложный налогъ добіо, да се кодъ свогъ уяка, княза Димитрія Вишньовскогъ, што брже може нађе.

Якубовскій као асауль Хмелницковъ знао є доста планова Атамановы, али не све; ерь Хмелницкій самъ говораше увекъ: „Самъ Богъ светый, а може быти и ѣаво, знаду шта я мыслимъ и шта намеравамъ, а другій нико;“ па є тако и радіо. Но то є Якубовскій знао врло добро, да ће Мохила и збогъ самогъ нѣговогъ близкогъ сродства съ княжескимъ породицама Вишньовѣцкогъ и Збарацкогъ, као и збогъ наклоности нѣгове, свакадъ и свуда съ Лѣхима држати. Съ друге стране опетъ видіо є сву Ябике нерѣшителность; са свыма овымъ известіяма пойти онъ къ Атаману: „Она ће быти моя —, она ће быти моя“ повторявао є у себи целымъ путемъ, тако као што човекъ омилѣну песму у себи пева.

Напрасно се обелоданише издайнички умышляя Хмелницкогъ. Старый Ябыка буде одъ Атамана обезчешень, нѣга окую и у замакъ Це-

ринъ затворе. О Мохили дође известіе, да є о свомъ трошку єданъ козачкій полкъ установіо, и да є съ истимъ подъ заставу княза Вишньовскогъ ступіо, да Нѣговомъ Величеству краю и республики служи. Якубовскій напротивъ поставне полковникомъ Чехриньскогъ полка; ово є была прва награда за нѣгово прво издайство. —

Залудъ су стара Ябика и млада Ана пале къ ногама Хмелницкога на колена; залудъ су проливале потоке суза на ѿлиме, коє є нѣгова нога газила, и изпунявале нѣговъ шаторъ єцанѣмъ, якуомъ и молбомъ. У найвећемъ степену разпалѣнъ, одъ лютине, а може бити и одъ якогъ пића изванъ себе, новиче онъ: „Одлазте испредъ моя' очію! Ко мене безусловно неслуша, тога мачемъ по глави!“ и изтера ій изъ свогъ шатора, као што се одъ прилике пси гоне или као што старогъ просіяка изъ еврейске собе изтерују.

Јоштъ у вече тогъ дана дође Петаръ Якубовскій къ нѣима жалостно, али постоянно и безъ свакогъ околиченя започне имъ говорити: „Я имамъ строгу заповѣсть одъ Атамана, али моя

ће га молба ублажити; или ће сутра Ана Ябика бити моя, Петра Якубовскогъ супруга, или Симонъ Ябика изгубиће животъ; изберите едно коєгодъ!“ „Стара Ябика плакаше горко; но Ана ступи и безъ єдне сузе у оку, къ Якубовскомъ и пружи му руку: „Сутра ће Ана Ябика бити жена Петра Якубовскогъ, а ми јоштъ данасъ нека Атаманъ изда заповѣсть, да се мой отаць ослободи. —“

На сатъ после одѣзди єданъ козакъ у Церинъ съ налогомъ, да старогъ Ябика ослободѣ, и донесе му у истый ма и поставленъ за управителя замка Батуриногъ. Слѣдуюћегъ дана было є бракосочетаніє Ане Ябике съ Петромъ Якубовскимъ, и Атаманъ самъ одвео є нововенчану одъ двери; ово є была друга награда преѣшаниѣгъ издайства, и последнѣгъ доброгъ дѣла.

Пошто су Московію прешли, прекриле полкови Хмелницкогъ као јато скакаваца Польску. Якубовскій предвођаше предню войску и убіяше свою браћу (Лѣхце) Поляке, и опустошаваше своє отечество. Око Слуца и за Слуцомъ

засео є неверный Атаманъ у своіой домовини са своимъ бунтовнымъ гомилама и Москва ставляла є у свимъ градовима, замцима и свимъ утврђенымъ местима посаде, да бы се Хмелницкій на кормилу одржао, и мало по мало на туђе руковођенъ привикао, а притомъ да бы у Польской семе свогъ господарства посеяо. У то доба добіе Якубовскій Слободицу и многа друга наслѣдна места и притяжанія Мохилова за свою собственность.

У почетку войне виђао се Димитріе Мохила увекъ предъ своимъ полкомъ; неуморимъ, храбаръ и дрзновенъ, као што є свакадъ было, убіао є своє непріятель; али касніе наеданпуть небіаше о нѣму ни гласа ни трага, а нитко незнађаше, да ли є у битки пао или другкуда отишао, да отечество брани и за нѣга се бори.

Петаръ Якубовскій узме свою жену и стани се у Слободици, єрбо є тако Хмелницкій заповедіо, а Богданко ніе трпіо никаква одговараня кадъ є заповедао. Нѣму є была маленкость заповедити: „Одсеци му главу!“ Ана роди свомъ супругу сына; али као и пре тога, остала є и

затимъ увекъ еднака спрамъ нѣга, ладна, снуждена, шта више и равнодушна; али е притомъ страдала у дубљини душе и нѣ могла никадъ до тога довести, предъ другимъ на своѣ собствено дете осменути се, и у присутствію свогъ мужа плакати; и чимъ се нѣне мисли забавляху то нико нѣ знао, осимъ нѣногъ духовника, а овај неказываше никомъ. Нѣна се лепота угаси, нѣно се здрављъ източи; са страданѣмъ душе и опечалѣнымъ срдцемъ одвѣяла е клупче свога живота. Съ тога е страдао и нѣнъ супругъ, кои е најсрдачнѣ любіо; и тако су были обо е несрећни.

III.

Протекло е неколико дана одъ оногъ тренутка, кадъ е Ана првѣй путъ пре две године у присутству свога мужа плакала. О, колико е добра овај тренутакъ учиніо! Чинило се, као да се съ тимъ сузама, ако и тешко, алъ опетъ мало по мало сва моћъ страдања излила, коя іој е срдце гризла, као рѣга гвозђе. Тай тренутакъ сасвимъ е променіо; садъ е говорила са своимъ супругомъ, часъ о Димитрію, иль е миловала своѣ дете, часъ е нѣно бистро око пре-

гледало пустаре Слободице, иль є сматрала свой заручный прстень; свакадь пуштала є найпре по неколико суза, но после є была увекь пріятня и веселія, и самь осмеякъ, дуго време изгнанный странаць на нѣномъ лицу, посѣштавао є кадь и кадь нѣне устне и играо се неколико тренутака съ нѣима и украшавао є тако слаткомъ живота дражести онай животъ, кои є досада тако невесело, тако мртво протицао. Тежакъ є было за супруга лекъ, кои є измыслио за болестъ свое жене, но онъ є, кодь свега самовольства, кодь све маане нѣговогъ характера, имао добро сердце. Вторично говорио є у себя: „Я самь узрокъ и виновникъ нѣне несреће; зато ѣу іой дакле баръ несрећу олакшати, да бы башъ мою собствену срећу жертвовао, башъ да бы своевольно мой животъ окончао; за мене и онако нема никакве среће на земљи; она ме не люби, а я є тако свесрдно любимъ; нашто ми дакле животъ? да ме люди попрeko гледи, и да на самогъ себе мрзимъ?“ Тако є мысліо, и ништа га ніе уздржавало, са своіомъ женомъ опеть и опеть о Димитрію говорити. Чась бы є опоминяо на старо ашикованѣ;

часъ бы іой изьявлявао сажаленъ о нѣной и
 Димитріевой судьбини. Често бы га опетъ ватао
 стра, да се nebude каква несрећа Димитрію до-
 годила, и свакадъ бы томе придавао свое о-
 бећанъ: „Само ако къ нама дође, одма ћу га
 съ Атаманомъ помирити, и све му повратити,
 што є нѣгово.“ Ана му є нѣгове речи плаћала
 сузомъ благодарности, осмейкомъ благодарности,
 а и єднимъ и другимъ парала му є срдце; онъ є
 страдао и само є кадкадъ саняо о варљивой
 игри надежде. „Благодарность ће є на мене при-
 викнути, па ко зна, можда ће іой некадъ и лю-
 бовъ къ мени улиити!“ Тако є іоштъ тврђе за-
 ключіо, на овај начинъ придобити любовъ свое
 жене, кою є тако свесрдно любіо, а коя га ніє
 любила.

Найпре се ніє показивала Ана гостима, кои
 еу господина Якубовскогъ поодили, и збогъ то-
 га се просуо гласъ, да є онъ любоворанъ и да
 држи жену затворену, као у турскомъ харему.
 Но овај є гласъ быо неоснованъ; како бы є ра-
 до и весело целомъ свету показао, съ каквимъ
 бы є поносомъ представіо; као што човекъ сва-
 кадъ съ удовольствомъ сматра и жели, да дру-

ги оно хвале, што онъ притяжава, и да му тога ради завиде. Али онъ то ніе могао; Ана ніе хтела. — Садъ пакъ ишла є сама къ нѣма, говорила съ нѣма и красила угостителный домъ красомъ пріятне домаћице, красомъ, кои съ обчараваюћомъ дражесћу посѣте примамлює. Но опеть она то ніе чинила, што є сама у томе задовољство налазила; већъ нѣномъ мужу за любовь и благодарности ради, да бы жертву жертвомъ наградила.

Пређе є ніе могао нико склонити, да баръ корачи изъ Слободице, као да є хтела жива закопати се у Димитрієвъ замакъ, а садъ є често говорила: „Оћемо ли се у сусѣдство извести?“ И нѣногъ мужа ніе више звала „господаремъ“ него „мужемъ“ а кадшто и „Перо!“ Каква брза промена!

Онъ іой є набавляо свилене комаде, и златомъ извезене альине, бисеръ и драгоцѣности, самуръ у великомъ числу, на кратко све, што є само пожелити могла, осимъ птичіегъ млека, еръ то се ніе могло нигди добыти.

Бсу ли іой те ствари радостъ чиниле, или не, то ніе могао нико изкусити; али се свакадъ на нѣга любко осмейкивала, да бы му тиме благодарностъ указала. Она є себи предузела была, пробудити у нѣговомъ срдцу надежду, да ће га некадъ изъ благодарности іоштъ срећнимъ учинити моћи.

Долазећи гости и они сусѣди, кои Ану пређе нису познавали, говорили су: „Како є срећанъ Якубовскій, онъ има добру жену, коя га срдчно любви!“ Они пакъ, кои су є пређе познавали, говорили су касніе: „Како є страстно любила Димитрія, а садъ га є заборавила, но ніе чудо, — као све жене!“

У очима людій имао є Петаръ Якубовскій бreme велике среће носити, а у свомъ собственомъ срдцу подѣанъивао є горку жалостъ, непрестано у мыслима и на устнама имати име любезника оне, кою є онъ самъ любіо, и коя є іоште нѣгова жена была, а не смети о нѣму ни са сенкомъ лютине или мрзости говорити. — Шта више онъ га є морао сажалѣвати као несрећногъ пріятеља! Какво мученѣ за нѣга! Али се

прва награда нѣгове жертве већъ указивала, и у дальнини светліо му є зракъ надежде.

Такавъ су животъ проводили ови супружници у замку Слободице; ту се едномъ договоре, да се едне неделѣ у ютру у Тихурѣ, у цркву Базилианску на богослуженіе иввезу. Ана нити є была жалостнија, ни веселія, него другій путъ, и онай є истый покой почивао на нѣномъ лицу, кои се обично на нѣой одъ некогъ времена виђао.

У путу говорио є Якубовскій о Димитрію; онъ є рекао, да ће дати службу служити, и да ће сиротинѣ милостинѣ делити, да бы му благи́й Богъ срећу и скорашній повратакъ даровао; ерѣ „онъ мора бити живъ“ придода онъ, „то ми каже мое предчувствованѣ“ Изъ благодарности жена га полюби у чело: „Како си ми добарѣ Перо!“ И суза заблиста се у нѣнымъ очима, а тихій осмеякъ появи іой се на устнама. Никадъ му ніе полюбаць дала изъ собственогъ убеђеня.

У цркву приспевши, падне Ана на колена и моляше се Богу топло и усрдно, кадъ су ка-

луђери у пуномъ лику нѣове обичне химне у славу Бога створителя и дѣве Богоматере и избавителя човечіегъ рода певати почели. Наѣданпутъ просусе смртно бледило по лицу молеће се жене; она клону и поведе се, и стропоштала бы се на каменитый подъ (патосъ), да е ніе мужъ преватио и у сакристай*) однео. Ту отвори она опетъ очи. „Мени е лоше было!“ рекне она и усиляваше се да сама устане; али се мораше на руку свогъ мужа ослонити.

„Срдце мое, шта ти е?“ — „Мени е лоше было! — ал' ніе ништа — проћи ће. — Айде да се домавратимо.“

„Ангелу мой, айдѣмо болѣ отцу игумну, тамо можешъ мало одпочинути.“

„О не! хвала ти, айде да се вратимо.“

Чекай іоштѣ еданъ тренутакъ, любезна Ано, узми еданъ гутляй воде, ты си сва бледа!“

*) Сакристай зову у римской цркви до олтара оздану собу, гди се свештеникъ облачи, и гди се одело и друге црквене ствари хране.

„Ништа зато любезный войно, дай да се вратимо!“ На то га увати за руку и погледи му у очи тако молбено, да нѣной желѣи нїе могао противостати.. Они се врате.

У путу сети се Якубовскій и рекне: „Я неимадо кадъ, новце за службу Дмитрієву дати; но я ћу ѿй послати одъ куће“ али Ана нїе одговорила, она є остала нема, само є неколико пута дубоко узданула, као да ѿ ѿй грдний какавъ тереть на срдцу лежао. Мужъ се у мыслима мучіо погодити, шта є могла у цркви видити или чути, и увекъ є заключіо: „Опоменула се старогъ доба!“ Ана є была жалостна и дубоко замышлѣна; али є према мужу была любезна и миловала є своє дете; само, кадъ є нѣнь супругъ о Дмитрію говорио, опеть є мучкомъ умкнула.

У то време позове Богданко Хмелницкій неку часть козачки поглавица у Перѣславъ. И Петаръ Якубовскій мераде тамо ићи. Кадъ се са своіомъ женомъ праштао, пригрліо є тужно къ прсима и полюбіо є тронуть, а она га є молила: „Немой дуго остати, врати се што ско-

ріє! “ и съ тимъ речма преда сынчића отцу, и тежка жалость обузме іой срдце. Са сузнымъ очима одездіо є Якубовскій изъ свое куће, пошто є надзирателю и капетанима вторично бдителность и предосторожность препоручіо: єрь они су живили, у немирной земљи, у коіой є вратъ беснію, и у коіой є смртна тишина, безъ свакогъ повода, у неколико тренутака страшну олюю породити могла.

IV.

Сунце є далеко за Скриловѣцку шуму зашло, и нѣговъ є залазакъ быо првень као крвь, а то є знакъ близке олує, то є быо тренутакъ а пунъ дубокогъ размышляваня. Свакій човекъ, быо онъ кой му драго, кадъ погледъ на заоде сунце обрати, мора єданъ тренутакъ дубокомъ размышляваню посветити; єрь то є прелазакъ изъ покрета живостне светлости живота, къ таьномъ покою, образъ вечногъ смртногъ сна.

У замку Слободице, седила є лепа Ана кодъ високогъ прозора свое собе, држећи на крилу сынчића, кои часъ дижући се, часъ опеть спуштаюћи се свое слабачке ручице пружаше,

да сладке образе свое майке помилує, или се съ нѣнымъ прнымъ коврчацама игра. Она одбіяше рукою милованѣ детета, бацаюћи погледъ у дальину на црвено сунце и на жућкасту пустару, коя се већ у магловиту одећу сумрака облачила. Она уздане, и у томъ тренутку увати є дете за прстъ, и хтеде силомъ прстень съ нѣга скинути — заручный прстень Димитрієвъ. Топле сузе стаяле су у нѣнымъ очима: „Може быти, да є онъ быо. — Нѣговъ є гласъ быо. — Али не; ніє онъ быо, — онъ ніє могао быти, како бы могао онъ тамо доћи“? — Она спусти главу къ детету, и полюби нѣгову плаву косу.

На то ступи надзиратель замка унутра, поклони се, сглади косу и поглади браду. „Милостива Госпо, дошао є некій бразиліянскій калуѣрь, изъ Трихура, онъ є одъ отца игумна.“

„Онъ ми є добро дошао. Доведите ми га господинъ надзиратель!“

„Онъ жели съ вама, милостива госпо, насамо говорити.“

„Нека дође.“

Надзиратель отиде, Ана устане, отнде у другу собу, преда дете дадилъи, и врати се опеть у прву собу.

У соби е стояо калуђеръ самъ самцитъ. Али што диже тако поносито главу, што тако страовито разгледа по соби, та онъ е текъ калуђеръ, а не заповедникъ целе землѣ, не Атаманъ одъ Запорога.

А она, зашто е она сва уздрквала, зашто е своє велике очи оборила, и несме напредъ ни крочити, та она ніе повина робиня харема, кою е разлюћеный Паша къ себи посвао; она е богобоязливва Христіянка, коя предъ свештеникомъ божіимъ стои.

Калуђеръ мааше главомъ: „Ано, Ано!“ — Она се наслони на дуваръ. — „Ты си Димитріе!“

„Я самъ, Димитріе Мохила, твой любезникъ“ и приближи іой се хтевши е за руку уватити.

„Димитріе смилуй се, я имамъ мужа!“ и падне на колена.

Онъ е ніе подигао, онъ е ніе дирнуо. „Невернице!“ рекне іой съ таквымъ гласомъ, као да

ће му срдце последњимъ смртнымъ уздисаємъ узданути.

Обое мучаху неко време. На нѣговомъ бледомъ лицу появи се потмулый изразъ неизказаногъ чувства и дркташе тако тужно, и тако севајући у нѣговымъ мишићима, као пламенъ на гроблю. Біяше ли то жећъ за осветомъ, или очаяванъ? Нѣговъ погледъ быо е смућенъ, нѣгово чело помрачено, нѣговъ виткій стасъ ніе светліо у прећашнѣмъ жару, ни у одважности, коя свакој несрећи пркоси, коя е знакъ човека, кои више оће, него што може; но онъ ніе ни клонуо подъ теретомъ несреће, кое е знакъ пропасти у несрећи, просяченъ за милость и сажаленъ, — онъ е стояо съ онимъ умеренымъ покоємъ, кои свакоме говори: „я те неморамъ плашити, али и непотребуемъ твоє помоћи, или ма чіегъ сажаленя; я страдамъ, али самъ самъ себи доста у момъ страданю.“

Она подигне сузне очи къ нѣму, као да бы му опору речъ задржати хтела: „Димитріє, ты знашь све!“ „О я све знамъ, дай ми руку Ано!“ Онъ е увати за руку, и она се дигне, но изву-

че одма своју руку изъ нѣгове. „Димитріе, ты си калуђеръ!“ —

„Я нисамъ калуђеръ Ано! я самъ узео на се одело калуђера, да се тебе ради осветимъ, да се мене ради осветимъ.“

„Я имамъ мужа!“

„Издаицу отечества, издаицу човечества!“
Она побледи, али му ни словца неодговори.

„Чуй ме Ано“ продужи онъ, „одреци се тогъ зликовца, човека безъ чести и верности“ и хтеде є за плећа уватити. Нѣгове су очи светлиле любовомъ и молиле су понизно.

Она му се уклони и повиче брзо, као да бы свомъ срдцу насилія чинила „о не, не, онъ є мой супругъ!“

„Твой супругъ?“ промрмля крозь зубе, подмуклымъ као изъ гроба гласомъ; „и ты га любишь Ано?“

Она є ћутала.

„Говори Ано, ты си съ нѣимъ срећна?“

Она прошапће „срећна!“ и покріе своє лице рукама. „Срећна! — невернице!“ — по-

виче Мошила и у томъ тренутку узправи се страшно, нѣгово се лице намршти; онъ е стаяо као дивльїй вѣстникъ смрти и опустошаваня, као Атаманъ изъ Запорога, кадъ са своіомъ младомъ четомъ противъ Перекопа ступа, да татарскомъ сыну обзнани: „Нећешъ ли, што я оћу, то ће ватра и мачъ свое чинити!“

„Чуй ме Ано, ты нећешъ са мноми ићи, нећешъ га оставити? Смртъ нѣму, смртъ свимъ нѣговимъ, я ћу се осветити. То ћете видити!“

Дркћући, бледа као мртвацъ, падне предъ нѣга на колена: „Заустави се Димитрије, онъ е обећао, све ти повратити!“

„До тебе!“

„Онъ е тако добаръ — онъ ме тако свесрдно любви!“

„Одлази, невернице“ и одтури е одъ себе „ты тежишь за нѣмъ, одлази, одлази!“

Она дубоко уздане, и лице іой клоне на голый патосъ; жарка е врућина пробіяла; ледена е ладноћа крозъ жилице пролазила; ужасъ е обори на земљу и она се обнезнани.

Кадъ е очи отворила, лежала е на ястуку, а Базилянскій калуђеръ Мохила, клечао е покрай нѣ, и поливао е сузама, да бы е повратіо, и притискивао е нѣну бледу руку, часъ на свое устне; часъ на срдце.

И неотвараюћи устне тихо е шапутала „Димитріе, о мой Димитріе!“

„Ано, ты ме любишь!“

„О любимъ те, любимъ!“

Мохила примакне лагано свое лице нѣнымъ образима, свое устне нѣнымъ устнама и полюби и. „Ты си моя; — моя навекъ!“ и пригрли нѣно нѣжно тѣло.

Она се отимала и изтргне се изъ нѣговогъ наруча. „О не, не не!“ и устане; нѣне су очи севале, а лице іой е было зажарено; она склопи свое руке као на молитву, и рекне съ неизказаномъ тугомъ: „Димитріе, смилуй се; я имамъ супруга!“

Онъ прекрсти свое руке, и подижући е къ себи рекне: „Ано, смилуй се, я те любимъ!“ —

„За насъ нема среће на земљи!“

„За насъ, Ано, за насъ“ и изнова хтеде

є загрлити; она одби іоштѣ єданцутѣ нѣгове ватрене полубце, и загрляе. „Димитріє — моя дужность — люді!“ и нѣне очи молиле су тако силно, као да се живота тицало.

„Ты ме нелюбимъ Ано!“

„О! я те любимъ!“

„Кадъ ме любишь Ано, а ты буди моя!“ Онъ є увати за руку и привуче є къ себи; у почетку ніє се отимала; но наєданпуть престане: „Чуй ме, Димитріє, я ћу побећи съ тобомъ!“

„Кадъ?“

„Данасъ!“

„Одма дакле!“

„Како то? Та іоштѣ є данъ, могли бы насъ видети!“

„Истина! Ноћасъ дакле!“

„А страже?“

Онъ се мало промысли.

„Чуй ме Ано, у соби твога — онъ шкрипаше зубима — тогъ издаице, за єднимъ тапетомъ, онде, гди є высіо ликъ могъ отца, садъ незнамъ,

да ли є іоштѣ тамо“ — — Онѣ яко уздане — „О та я знамѣ, да є ту у моіой соби тай издаица себи место пребываня изабрао; ту у зиду ударенѣ є єданѣ ексерѣ, и замазанѣ є кречомѣ — води ме тамо.“ „О не, я ћу га зацело наћи, говори далѣ, Димитріє!“

„Да, ты ћешѣ га наћи; на гладкомѣ зиду има єдно примѣтно угнуто место, ту притисни мало прстомѣ, пакѣ ће се отворити мала врата, види'ћешѣ предѣ собомѣ степенє; немой се плашити, Ано, ако су и тавни и яко изкривудани, они ће намѣ добро донети, єрбо є то путѣ къ мени, къ нашой срећи; држи се само рукомѣ за зидѣ и иди слободно далѣ тимѣ подземнымѣ одникомѣ; неможешѣ погрешити; неиди ни ко-рака натрагѣ већѣ све напредѣ; кадѣ наєдан-путѣ чуєшѣ великій шумѣ, немой се уплашити; то є разговорѣ Хнилопіята са шлюнкомѣ и стенама нѣговы обала. На томѣ ћу те мѣсту изчекивати, моя любезна, моя єдина; па онда ћемо наћи места у пространомѣ свету, онда намѣ срећа неће оскудѣвати; Ано, Ано, обећавашѣ ли ми то?“

Она обори своє очи, поцрвени у целомъ лицу као нѣжанъ плодъ леле малине (ягодняка); и само тихо дрктанѣ обузело є нѣне чланове као што ветрићъ колеба лишће тополе. „Я ти се обећавамъ, Димитріє, шапташе она, притискиваюћи му лагано руку.“

Онѣ іой полюби руку. „Ано, моя Ано!“ Гласъ му є дрктао, нѣжно руменило обузело му є лице, очи су му биле усіане као жива жеравица; усіано врућъ воздухъ излазіо є изъ нѣговы уста.

„Димитріє бежи; єрѣ то све не може намъ за рукомъ изићи.“ Она є дрктала као одъ грознице.

„Ано, єданѣ полюбацѣ!“

„Мой супруже!“ и полюби га „бежи Димитріє!“

Онѣ є страстно полюби, и загрли силно. „Сѣ Богомъ Ано!“ — У поноћи! — Немой забравити!“ — Онѣ є остави и оде брзо напољѣ, да бы се силомъ и наєданпутѣ одъ нѣ одтргао, и уклони се као піанѣ, као изванѣ себе.

Она се спусти на ястукъ : „Димитріє, поче-
 кай само іоштъ єданъ тренутакъ! — Димитріє!“
 и пружи своє руке за нѣмъ, а устне се скупе
 као за люблѣнѣ; очи іой се у полакъ склопе,
 лаке трепавице спусте се, и нека чудновата, не-
 позната милина, неко сладко неизказано чувство
 прође іой крозъ душу, крозъ цело тѣло. Аль
 онъ є већъ быо изъ себе изчезао.

Єданъ добаръ сатъ траяо є разговоръ го-
 спође изъ замка са Базиліянскимъ калуђеромъ,
 и нико се ніє смео усудити прекинути га, прем-
 да се више пути чуло тужно плаканъ, дубоко
 уздисанъ и угушено єцанъ, прекидано яснимъ
 разговоромъ; нико се ніє усудио у собу ући, єр-
 бо є господаръ строго забраніо, никадъ госпо-
 ђи на очи неизлазити, ако она сама неопозове.
 Она ніє звала, и тако нико не уђе унутра, прем-
 да су дадила Тетіяна и управитель замка, Се-
 менъ, старый и повереный слуга и с'путникъ у
 рату Петра Якубовскогъ, сасвимъ близу были,
 готови, нѣной заповести одма слѣдовати.

V.

Дубока црна ноћ, као у гробници, почивала је на пространомъ божијемъ свету; месецъ непросипаше своју сребрну светлостъ съ небесногъ свода, и звезде чиняху се, да су изчезле до последнѣ. Ветаръ в урлао као да је изъ десетъ пута десетъ хиљада уста наѣданпутъ дицао, и мрмљао је чудновате, жалостне речи чворовима стогодишњи растова. Са сатанскимъ урланѣмъ звиждао је у суве грани трња, и беснио је съ шумомъ у трави пустаре.

Одъ Швайковке пловіо је по брзомъ површню Хнилопјата чамацъ; два веслара плѣскали су овде и онде са веслама; трећій је човекъ стајао мирно у чамцу, и гледао је испитујућимъ окомъ по тавној површини, немогавши ништа видети.

„Ели јошть далеко улазъ?“

„Јошть петдесетъ пушкомета, милостивый отацъ!“

Садъ се чуло изъ урланя ветра као далеко лаянѣ паса.

„То је Зурбово добро!“

„Живили старый Зурба.“

„Чудо є што іоштъ живи; али онъ нїє више на салашу; како смо ти милостивогъ господина изгубили, одма є и старогъ нестало — овай нитковъ Якубовскій даде то добро свомъ слуги, некомъ покритеномъ Евреину, и старый Зурба буде принуђенъ, тумарити у прошню.

„То вамъ дакле тай издаица чини много зла?“

„Ахъ, и да є іоштъ толико добаръ, опетъ неће бити такавъ, као што си ты, добрый отче. Ту нетреба више ни говорити: твой отаць быо є добаръ господаръ за наше очеве, твой дедъ за наше дедове, тако є свакадъ было, и твоя деца, господару, мораю опетъ некадъ бити господари нашей деци!

Мохила є уздисао. „Не буди жалостанъ, господине, тако ће бити; то є твое притяжаніє, твоя Батковска; то нити ће преиначити г. Хмелницкій, премда є врло силанъ, нити белый царъ, премда є врло милостивъ. Као што су намъ Якубовскогъ силомъ за господара дали, тако ће тога силомъ и отерати; кажи само єдну речъ, господару, и мы сви стоимо готови!“

Мохила є промышляо, а другій весларъ придода: „Уласъ добро говори, заповеди добрый

отаць, пакъ ћешъ видети, како ће Якубовскогъ за тилый часъ ћаво однети; ерь што є истина, остає истина; онакавъ господарь као што є Якубовскій, такавъ ніє нашъ господарь Мохила; питомый зець ніє іоштъ правый зець; зарь онъ говори съ людма, као господарь са своимъ по-дайницима? — Кодъ нѣга нема друга разговора, него: „одлази хуло — чини то пася вѣро — остави то псино!“ — као да су люди сами пси. А нѣгови надзирательи батинаю наше же-не безъ узрока, прикатанче наше люде у коли-ца, па ни бриге, туку ій воловскимъ жилама или камціяма, и стригу старцима на срамоту браде. О тако небяше подъ милостивымъ господаромъ.“ Садъ залає опеть єдно псето на салащу, и петао кукурекну.

„Уласъ, Мато, поноћь є прошла!“

„Петао првый путь поє; али ево и Слободице; садъ є све мирно; ерь су страже непрятельскогъ господара бодре, и тумараю као вештице.“

У дальини светлила є слаба светлость на кули замка, и купала се са слабымъ одблескомъ

у води; ал' тако слабо, да се ни сенка одъ зда-
нїя у замку или одъ угла куле на чистомъ о-
гледалу Хнилопїята ніє видла.

Мохили є яко куцало срдце; а нестрплївнѣ
и брига разтрзале су му мысли. Не изъ предо-
сторожности или бриге, већъ што є као вой-
никъ тако научїо, увати се за пиштолѣ одъ по-
яса подѣ козачкомъ альиномъ и намести држакъ
свога ятагана. Онѣ є хальине базилианскогъ
калуђера свукао, и стаяо є као козакъ обученъ,
у свичку, у широкимъ шараварима, и овчиїой
кожной капи. У ноћной тами нити си могао нѣ-
гово лице ни нѣговъ стасъ разликовати;
па опетъ бы врло занимљиво было, види-
ти, како дивлѣ, фанатичко дете украинне, при-
ятель саме явне битке, ту каквомъ крадљив-
цу подобно, на чамцу плови, не да вароши
турске пали, ни да дивљимъ певанѣмъ смрти
татарскогъ сына поплаши — не, — него да же-
ну украде, и то туђу жену. — Ако є и буктїо
пламень любви у нѣговомъ срдцу, ако є и ла-
скала сладка надежда нѣговой усхићеной души;
опетъ му є морало нешто стида на лицу по-

явити се; ніє могуће да є могао очима слободно око себе погледати; єрѣ тако нису запорожки младићи никадѣ чинили; они су спалывали замке, секли посаде; — али нису туђе жене крали, већ су їй отимали у по' дана или у светлой ноћи, кадѣ имѣ є уништожаваюћій пламень светліо. То є быо знакѣ, да є запорожаць умео туђе добро узети, али се притомѣ ніє страшіо борбе и гоненія.

Чунѣ се на лево савіє, дотакне се тихо своіомѣ долньомѣ части ситны шлюнака обале и зауостависе. Мошила нагло скочи на полѣ, вода плюсне о чамаць, песакѣ на обали шкрипну; садѣ сену на обали, више пушака пукну; приврло краткотраюћой светлости примѣти Мошила неколико люди на обали; за часакѣ извуче своє мале пушке (пищолѣ) иза пояса, и опали на ону страну.

Жестока вика заори се, и гласѣ се зачу:
„Ха трчте — уфатите ниткова!“

Али є Мата Мохилу за поясѣ већ уватіо быо и силомѣ у чамаць увукао. У мраку потрче многи люди кѣ обали, те су у воду скочи-

ли, и пуцали су по другій путь, да су оловне кугле, као у обкладу са силнымъ и брзымъ удараньмъ весала, у воду са звижданьмъ падале; при пуцаню видило се, како є чамаць низъ воду пловіо. — Юштъ єданпутъ цукне пушка одонудъ, и малый, больомъ угушенный гласъ повиче: „Чекай само, издайнице! невернице! Мы ћемо видити!“ — И садъ нестане свега у ноћной сенки, и ветаръ є урлао као и пре.

Докъ є Мохилу Мата на чамцу по Хнилопιάту, нѣговомъ наслѣдномъ добру, возіо, парало се Анино срдце узамку силномъ страсти према нѣномъ любезнику, очаяня пунымъ чувствомъ према мужу и матерньомъ нѣжности према свомъ сынчићу. О какву є паклену муку она подносила за оно неколико сатій одъ сүтона до поноћи! Какве су се грозне сузе рониле низъ нѣно лице! Како се топло Богу молила! Съ каквымъ є жаромъ любила своє чедо, любила свете иконе! У почетку є сазвала своє домаће, дойкиню, служкиню, ватацкогъ надзирателя, и погледала їй є све съ тако тужнымъ и молебнымъ погледомъ, као да бы хтела єдну єдиту речъ одъ нѣи из-

просити, да іой савѣтую. Но они су ѣутали, ерь ій она ништа ніє пытала; а нису ни знали ништа, бацьъ ништа, нити су и могли знати. Само є Тетіяна, послужителька, нарочито данасъ свесрдно сажалѣвала, сама незнаюћи зашто, и носила є, страомъ обузета, почешѣ сынчића къ матери, да бы се ова милованѣмъ у нечемъ баръ разведрила. Ватацка Семень быо є, као и увекъ, озбилянъ и ѣутао є.

Немиръ отера є саму самциту у собу, у којој є нѣнъ мужъ оружіє, скупощености и папире држао. На дувару высіо є еданъ ликъ, али црномъ свиломъ покривенъ. Ана подигне покривало и одкріє ликъ Єреміє Мохила, войводе Кієвскогъ, отца Димитрієвогъ. — Како є яко наличію сыну! оно исто угасито плаво, страстно око, оно исто поносито чело, оно исто лице, онако исто бледо, и ватрено. Ана га є сматрала съ немымъ усхиѣненѣмъ и срдце іой се ширило у чувству любви. Ово є онъ истый, суштый! “ Она подигне ѣилимъ и наѣе описано іой угнуто место у зиду. Веѣъ е была пружила руку, да ексеръ притисне; кадъ наеданпутъ

и то сасвимъ изненада нешто у соби лупи. Она пусти Ђилимъ и тргнесе. Погледи на све стране по соби, а ништа ніе видла; напоследку примѣти у другомъ углу себе великій мужевлѣвъ мачъ, кои є ексеръ, на комъ є висіо, изъ зида извадіо, и на патосъ пао быо. Колико мыслій разтрзаше нѣну душу при овомъ угледу! Но око іой се наново обрати лику Єреміе Мохиле, и она и подругій путь приступи къ тапету! На то дете у трећой соби врисне и стане плакати; нѣно матернѣ срдце уздркѣе, она помисли: јдно дете, оно моли: „Мати неоставляй ме као сироче.“ Садъ ступи къ прозору, отвори га, погледа у дальну равнину и тражила є воздуха усіянымъ устнама; видило се на нѣой, како се трудила, ноћномъ ладноћомъ разладити пакленый жаръ у нѣномъ срдцу; никакве мысли небыаше у нѣной души, она є была ванъ себе. Мало по мало текъ опоравила се и дошла є къ себи; ветаръ дуваше у авліи замка, а дете вришташе у дальной соби. Анине очи пливале су у сузама и она є шапутала. „Нећу ићи! не, нећу ићи!“

Ово тихо: „нећу ићи!“ была є парола, єрь у томъ тренутку пукле су оне пушке на обали. Ана врисне страшно одъ болъ, увати се за прозоръ и стропошта се; єрбо є снага изневерила. На ићну вику потрче служкинъ, и наћу є за дрво прилюбљну, али безсвестну. Ниє се знало, да л' є хтела крозь прозоръ скочити, или га затворити. Сви се узбуне и болестну госпођу морадеше одма у креветъ однети.

Слѣдуюћегъ дана мораде болна Ана у кревету остати. Она немогаше главу подићи; нћнъ слабый погледъ тумарао є по соби; зраци сунчаный сїяли су се на сперлетно-црвенимъ ћилимима, кодъ кревета седиле су две служкинъ, мало далъ на столици седила є Тетїяна, дойќиня, детенце моляюћи и топле сузе проливаюћи. Ана є узданула неколико пута; чинило се, да бы говорити хтела, али ниє могла гласа пустити. На последку рече: „Шта є то было?“ и уздркће на те речи у целомъ телу, а очи їой потавне; хтела є знати, али се бояла чути, шта се догодило. Єдна одъ слушкиня рекне: „Јуче хтедоше се неки люди потайно у замакъ увући. Томъ приликомъ убїєнъ є Ватацка Семень.

„Убієнь?“ повтори Ана, и и преки-
не говоръ.

„Далъ се ніе ништа сбыло — люди буду раз-
терани, и после одъ наши людій гонѣни.“ Те-
тіяна погледи на свою госпођу и почне іоштъ
већма плакати. Ватацка Семень быо є нѣнъ
найстаріи братъ, нѣна єдина обрана.

VI.

Гонительи немогоше Мохили у трагъ уѣи. А-
на небіяше се іоштъ одъ болести предигла
кадъ се Петаръ Якубовскій вратио. Онъ є по-
здрави са сузнымъ очима, са страіомъ и бри-
гомъ у срдцу. Она га ніе смела погледати, као
да є што скривила, а сынчићъ се єднако савіаю
часъ око отца часъ око матере, као да є хтео
съ тимъ умиляванѣмъ узаймцу наклоность и по-
веренѣ родителя єдно спрамъ другога узбудити
и разгреяти.

Велика жалость обузме Якубовскогъ при-
ликомъ вѣсти о смрти свогъ вѣрногъ Ватацке
Семена; онъ дође, да о томъ и са своіомъ су-
пругомъ пробеседи; но кадъ є видію, како є по-

бледила, како є сва уздрктала, рекне іой: „Немой се бринуті, срдце моє, тайнымъ нападанѣмъ неће нико овай замакъ отети!“ и одъ тогъ времена ніє никадъ съ нѣоме говоріо о томъ несрећномъ догађаю, кои му є найверніегъ слугу и найболѣгъ пріятеля одтргнуо.

У вече, кадъ му є жена на неколико тренутака заспала была, позове онъ Тетіяну у свою собу, и пытао є обстоятелно о свему, шта се є за време одсутствія нѣговогъ догодило. Онъ ніє имао обычай, ватати трагове своіой жени, ни самъ собомъ, ни преко другій; али у нѣномъ садашнѣмъ положенію ніє могао съ нѣомъ ни о чемъ важніемъ говорити, а да іой здравль савсвимъ ненаруши; осимъ тога гонило га є у овай ма' іоштъ неко нѣму самомъ непонятно чувство, слутня о некой важной тайни, да се болѣ извести о последньимъ догађаима у нѣговой кући.

Тетіяна приповеди му о долазку базилианскогъ калуђера. „Дуго, врло дуго говоріо є онъ съ нашомъ госпођомъ; я незнамъ, да ли є изповедао или іой є велику какву несрећу предсказао, ерь нисамъ ни словца одъ тогъ чула;

милостива госпа была є затимъ одвећъ плачна и жалощѣу погружена. Она іоштѣ ніє спава-ла, кадъ се несрећа догодила.“ При овомъ помыслу потеку іой опетъ сузе потокомъ низъ образе.

„Тетіяна, я ћу ти бити братъ, твой заштититель!“ — Дуго време владало є дубоко ћутанѣ — напоследку прекине га Якубовскій: „Па шта се догодило далѣ?“

„Госпа є была у соби вашой, она се држала за прѣзоръ, кадъ су се пушке чуле; тако смо є нашли.“ „А Семень є видіо Базиліянца?“ „Онѣ га є самъ увео; вы сами знате, онѣ ніє никадѣ много говоріо, као да є морао речи брояти. Кадъ є на нѣгову несрећу напољѣ изишао, казао ми є при разстанку: „Тетіяна, добро мотри на твою госпођу, и немой ми се ни कराка одѣ нѣ маћи; я те саветуємъ! Мы морамо томе на єданпутѣ край учинити!“ а одѣ тѣх речій неразумемъ я ни єдну.“

Якубовскій се боріо у мыслима и ишао є по соби горе и доле; Тетіяна є пакѣ сматрала ликѣ

Єреміє Мохила, кои є одкривень остао, нити га є Якубовскій кодъ размышляваня свога смотрію.

„Тетіяна, є ли было тай калуђеръ младъ или старъ? или какавъ?“

„Ахъ, сасвимъ подобанъ овомъ овде“, прстомъ на ликъ показуюћи, „као да є овде начертанъ!“

Якубовскій погледи на ликъ: „Ко га є одкрію?“

„Я незнамъ, мысмо га тако нашли; вы знаете, милостивый господине, да у вашу собу нико неулази, осимъ милостиве госпође и Семена.“

Якубовскій погледи опеть на ликъ „овако є изгледао?“

„О тако исто, милостивый господару; само мало блеђій и сувльїй, и не тако гордъ!“

„Онъ є! онъ є! Тетіяно, иди зови управителя и капетане!“ Тетіяна изиђе. Онъ лупи ногомъ о патось. „Онъ є, онъ є! невернице!“ и пусти руке доле. „И я, я є любимъ свесрдно, толико самъ подносію нѣ ради, и іюштъ бы толико чи-

ніо и подносіо, кадъ бы ми баръ у дальной будућности само една сенка надежде просіявала. Али садъ є све пропало.“ —

На то шкрипне зубима: „Люди ће ме изсмејвати; а она, ко зна, колико ми се пута смејла!“ — Гордо подигнувши главу: „О не! я ћу іој показати, да самъ и я у станю осветити се.“

И одъ управителя и капетана ніє могао ништа друго дознати, него да є чамаць низъ воду одъ Швайковке пловіо; єрь люди Семенови нису чули весланъ, но само су видели, како є съ найвећомъ брзиномъ матицомъ одпловіо; єдни су потврђивали, да ій є троица было, а други четворица, трећи опетъ само двоица; но сви су се у томъ саглашавали, да ій ніє много у чуну было. Гоштъ исту ноћъ было су одъездили поєдине чете, да бѣгунце гоне; при освитку дана све су претресли; али се нигди ніє могло што подозрително наћи.

Якубовскій обсади гоштъ исту ноћъ замакъ и премести руску обсаду изъ вароши у истый; єрь Слободица была є у оно време тврда ва-

рошь са четири иляде обитателя Грка, кои су одъ угнѣтенія турскогъ овамо избѣгли были. Онъ самъ поити са триста коняника у Трихуръ, а управителю заповѣди, да иде у Швайковку, Райку и Скриловку и у друга села край обале Хнилопіята, да тамо све рибаре и лаћаре повата и у тамнице замка позатвара; по селима да остави доволно число войника, да на све путнике и обитателѣ села мотре.

Али све ове наредбе были су поздне. У Трихуръ продре Якубовскій самъ, кодъ свега одпора одъ стране игумна, съ нѣговимъ козацима у монастирѣ, обколи га и претресе свакій угаль; али ненађе ништа. Изъ села на Хнилопіяту довуку множину народа; невину е окую и стану е батинати; па опетъ никаква гласа о Димитрію Мохили. И у самой Слободици, вароши, были су грађани мучени, али узалудъ. Жалостанъ и скрушенъ врати се Якубовскій дома; али ни съ єдномъ речицомъ непоказа своіой жени ни лютине ни подозрєня. Данъ ноћ бдіо е онъ на нѣной постелѣи, и дрктао е, кадъ е помисліо, да се може какавъ говоръ о Дими-

трій Мохили повести. Али и Ана страшила се и споменути о томъ, и зато се непрестано съ мужемъ разговарала, тражила є свуда матеріє за увеселяванѣ, єрбо се бояла, да іой ѣутанѣ супругу неда повода къ старомъ нѣговомъ обычаю, да іой опетъ почне приповедати о нѣномъ несреѣномъ али миломъ любовнику.

Она є была супругу благодарна на нѣговомъ чувствителномъ попеченію; нѣгова є жалость тиштала, тиштала нѣна и нѣногъ любовника несреѣна. Често є хтела све и сва своме супругу изповедити, шта іой є ердце тиштало; али ніє смела, и опетъ є сама помысао о томъ свакадь у нечемъ ублажавала.

Онъ ніє хтео свою жену изпытивати, и волео се съ неизвѣстносћу мучити, него свою несреѣну судьбину познати. Злый духъ шапутао му є на уво: „Она се на те любко осмеива, често те запыткыва само да те обчара, да ти уво заглуши, да ти очи заслепи; то є обично лукавство съ пута честности сишавше жене.“ Сто пута се у таквымъ тренутцима заклиняо, осветити іой се страшно; а опетъ є сто пута по-

второвао своју стару тужбу: „И ја е опетъ љубимъ тако усрдно, тако искрено!“

VII.

После неколико дана предигне се Ана, јоштъ слаба одъ слѣдства грознице, и са свомъ невестномъ немоћи, која жену са земљъ полакъ подиже, и тако рећи међу људе и Анђеле небесне премешта. Лепа е была, обчаравала е съ овимъ бледимъ лицемъ, съ овимъ невеселимъ окомъ, съ овимъ нѣжнимъ, поводљивимъ, летећимъ тѣломъ, кое е, као што се чинило, најманѣй ветрићъ могао оборити. Погледати на нѣне кораке, тако слабе, тако несигурне, а опетъ тако лаке, као да е сва одъ цвѣтногъ мириса створена — погледати на ову лепоту, како чезнућу тако и невестну одъ страдања и душевногъ немира — ахъ и морашъ е и неотице љубити. Якубовскій е љубіо и неговао е као дете, свой бы животъ за ню дао, и опетъ зато бью е овај животъ подкопанъ подозрениемъ и љубоморствомъ. Али и помысао на освету посѣштавала га е кадкадъ, но не као милый прія-

тель, кога съ разширенимъ рукама дочекуемо, него као досадный гость, кога бы се радо отресли, али неможемо, што има ячу волю посѣтити насъ, него мы врата одъ нѣга затворити.

Већъ бы се у Слободицы, као свакадъ и свуда у свету, догађай заборавіо, когъ є Ватацкомъ Семену смръть нанео, да нїе іоштъ множина затворены у подземнымъ сводовима замка стена-ла. Надъ нѣма є господарь свое срдце изкалаіо. — Подъ батинама и у ланцыма было имъ є пресуђено умрети, ако истину неизкажу; — они су трпели и ћутали. Предъ госпођомъ нїе смео нико о томъ говорити, тако є господарь заповедіо; и тешко несрећнику, кои бы заповесть преступіо. Ана дакле нїе ништа знала одъ свега тогъ; али и да є знала, небы се смела усудити, свогъ мужа за невине молити, она бы морала тайну одкрити, кою є толико време крила, не што є морала, (єрь она є тако невинна была као и пре састанка съ Дмитріємъ), него одъ чистогъ стра, одъ самогъ стида. Жена, коя є дѣломъ сгрешила, има увекъ више хитрине, има увекъ више смѣлости, него она, коя є само мыслима сгрешила.

Већъ є и гласъ приспѣо, да Хетмани круне и они изъ Литваніє прикупаю войску, да дивлѣ єдномысленике неверногъ Хмелницкогъ укроте, неприятеля изъ Лехске землѣ изтераю, иза Дона у пустаре Низова. Али то є быо само празанъ гласъ; господарь Хмелницкій разкошествовао є безбрижно у Переяславу, и козачки полкови стояли су мирно у своимъ местима. Почело се већъ и приповедати, да су стари просяци, кои су иначе съ нѣинымъ торбама просили, овде и онде лехске новце народу раздавали, да су стари войници о польскимъ кралѣвима певали и свирали, о старомъ добромъ времену приповедали, кадъ су козаци съ Лехима неразлучно братство сачинявали, и кадъ є лехскій краль и нѣювъ отаць быо. Али то се само приповедало; свакій є то одъ некогъ чуо, кои є опетъ одъ некогъ другогъ чуо, и нигди нїє се могао наћи онай, кои є управо првый тай гласъ доноє.

У замку Слободице было є све у старомъ поредку; жена болестна, мужъ суморанъ и жалостанъ; онъ нїє смео за истину пытати; она нїє смела истину казати, и тако су обоє страдали.

Было є у неделю у вече; после лепогъ ведрогъ дана бѣше се смркло; месецъ є быо зарана заишао, непредсказавши ни ветра ни кише; но зарана бѣше заишао, и небо се тамомъ увило; но у воздуху владала є таква тишина, да се є шуштанѣ Хнилошїята чакъ у замку горе чуло.

Већъ су супружници свогъ сынчића миловали и любили; кадъ имъ се погледи сукобе, и Ана помисли у себи: „Зашто немогу могъ мужа овако любити, као што могъ сына любимъ?“ А Якубовскїй помисли: „Зашто мене нелюби тако, као што мое дете любви! а я є любимъ свесрдно и истинито!“ У томъ тренутку улетѣ капетанъ унутра задуванъ, и одведе господара на тайный разговоръ у другу собу. „Отаць! у свимъ нашимъ селима устали су побунѣни селяци, одъ Трихура иде црнъ облакъ одъ людїй къ замку; говори се, да ѿ Димитріє Мохила предводи, а Базилянски калуѣри прате.“

Якубовскїй мане главомъ: „То нїє ништа; ћути, па оди самномъ!“ Онъ изиђе, да свое заповести изда.

По краткомъ времену врати се, горка туга и великій немиръ менаше се на нѣговомъ лицу, у нѣговимъ очима светлила є тешка туга. Онѣ увати свою жену за руку.

„Ано, оди самномъ, я те молимъ, я морамъ съ тобомъ кою речъ пробеседити!“ и одведе є у свою собу. Она му є слѣдовала, као паучина ветру покоравала се нѣговой вољи.

У нѣговой соби седну на єданъ ястукъ; спрамъ нѣи высіо є ликъ Єреміє Мохила, опетъ црномъ свиломъ покривенъ. Ана є сва дрктала, и то тако яко, да се є морала на зидъ наслонити; и нѣму є за нѣомъ тако жао было, да су му речи на устнама изумрле; напоследку себе побѣди, устане, пође къ противположеномъ зиду, и опетъ стане.

„Ано! Ано! кажи ми истину! — садъ є већъ прошло.“ — У истомъ магновенію пукне неколико пушака у авліи. —

Ана падне на колена, „ахъ, онѣ є!“

Якубовскій неизиђе изъ своє себе, не прирчи своіой жени, да є подигне; брзо се при-

ближи зиду на противположеной страни, тргне свилено покривало съ лика доле: „гледай овамо, невернице!“

Она падне на ястукъ и склапаше руке више себе: „Тамо, тамо — онъ є, онъ, човече — Димитріє!“ Якубовскомъ смркне се предъ очима. Сила очаянія ућути за єданъ тренутакъ, и osveta искала є гласно свой данакъ. Онъ извуче свой мачъ изъ корица и стане више свое жене: „Невернице, издаице!“ Али подигнута рука укочи се; онъ є хтео, али ніє могао спустити мачъ на лепый вратъ. У нѣговымъ ушима зуяла є као удалъна грмљавина; — али онъ ніє ништа чуо одъ честе пуцњаве и жестоке вике, коя є изъ авліє допирала: „издая, издая! — ватра! попалите све!“ „У нѣговымъ очима севале су варнице; али ніє видіо, да на степенима замка нѣгове люде убіяю, да су у себе продрли и ватрени угарцы на врѣ куће летили, и да є пламень по гредама крова лизао.

Ана пружи руке къ нѣму: „Уби, уби мене, само избави мое дете!“ и она се савіяше око нѣговы ногу, као да се избезумила.

Садъ се наеданпутъ чуше подмукли ударци за зидомъ; грунуше, да се є зидъ затресао, и єданъ гласъ повиче сасвимъ ясно: „замномъ, замномъ!“ „Онъ, є, онъ є!“ И Ана скочи са землѣ. „Онъ?“ повтори Якубовскій и окрене се на другу страну.

Ликъ Єреміє Мохила слети доле, тапета се отвори, и предъ нѣма стаяо є Димитріє Мохила съ голымъ мачемъ, правый козакъ!

„Ха, издайничко псето!“ и скочи као беканъ на Якубовскогъ, али є већъ стояла жена предъ овимъ и разширила є, на прстима узправлѣна, своє руке, да га своимъ тѣломъ одбрани! „Мене уби, пре мене Димитріє!“—„Ты га бранишь? невернице! издайнице!“ и већъ є подигао руку, да є єднимъ ударцемъ смлати. Якубовскій отури свою жену на страну: „одлази невернице!“

Оба неприятеля устреме се садъ съ мачемъ у руцы єданъ на другогъ, и страшна се борба започне. Садъ ускочи више Мохиловы людій крозь тайна врата, но онъ имъ повиче: „нико да га ніє дирнуо, оставите га мени! идите далъ у замакъ!“ и опеть почну падати у-

дарци чести и тешки. Ана є лежала на патосу и обуватала є часъ ногу свогъ мужа, часъ опеть Дмитрієву, са срцепараюћимъ молбама молила їй є; они су є са собомъ по земљи вукли, одтискивали є, и нападали су іоштъ бешнѣ єданъ на другогъ.

У замку, по авліи и свимъ местима наоколо беснила є найужаснія борба, овде и онде могао се димъ, предтеча пожара примѣтити, и на поединимъ местима пробіао є малый пламенъ. Мохила є быо ранѣнъ, али є и Якубовскій быо крвљу обливенъ; онъ є већъ лежао на земљи и викао изнемоглымъ гласомъ: „Ано! Ано, наше дете, избави га!“ У Аниномъ срдцу пробуди се напрасно сва моћ матернѣгъ чувства; изъ средине звеке оружя, јуканя умирући, и прасканя ватре чинило іой се, да чує вриску свогъ детета. Мати скочи къ свомъ детету, а Мохила уништи съ последњимъ ударцемъ последню искру Якубовскова живота. „Путуй! издайниче!“ — Съ овимъ речма падне онесвесѣнъ и безчувственъ къ мртвомъ тѣлу свогъ непріятеља, но нѣгови люди узму га и однесу у авлію замка.

У авли су се јоштъ бесно борили; цео замакъ био є већъ у пламену; варнице су скакале на све стране, греде и рогови дрктали су и люляли се тамо овамо.

Мохила дође опетъ къ себи: „Ано! Ано!“ повиче онъ јасно и као у очајнију, „гди є она? — лѣствице амо! — замномъ!“ —

У истомъ тренутку покаже се на прозору єдне куле, у сред' првеногъ пламена єдна жена, у беломъ оделу съ дететомъ у наручу. Крозъ сву ту вику и све кр'анѣ стрпоштавајућегъ се зданія чуо се матернѣй гласъ: „избавите насъ! — сламе, сламе пода ме!“ У истомъ тренутку донесу гомилу сламе подъ кулу. Мошила подигне разширене своє руке горе: „Ано Ано!“

Она се сагне, бацы дете доле, и садъ є стояла тако пригнута у средъ пламена. Дете падне доле и врисне. Єданъ козакъ узме га у наруче, и више гласова повичу на єданпутъ: „избављно, избављно!“

Ана склопи своє руке и са свимъ разумително чуле се нѣне речи: „благодаримъ ти Бо-

же, хвала вамъ люди; Димитріе, буди обрана мога детета! Остай — съ Богомъ!“ Садъ е нестане изпредъ нѣины очію, и ништа се више ніе видало, до црвеный пламенный стубъ, гди е она стояла.

Мохила скочи къ замку: „Замномъ, замномъ!
— Ано — моя Ано!“

Залудъ, замакъ е у пламену огрезнуо, и сурвао се. Люди Мохилови изтребе обсаду замка до последнѣгъ човека. Ведро ютро осване; светло и златно появи се сунце на истоку; пожаръ е уништавао іоштъ последнѣ остатке замка. Множина непріятельски и неколико козачкѣй мртвы тѣлеса лежало е по земљи. Люди, кои су изъ села дошли были, и они кои су у служби Якубовскогъ остали были, поздравляли су еданъ другогъ добродошлицомъ, и еданъ е другомъ говоріо: „Мы смо сви то учинили; као што су намъ господара Якубовскогъ силомъ наметнули, тако смо га силомъ и отерали, и садъ нека намъ правый господаръ Димитрій Мохила живи.“ Базиліянски калуђери певали су узаймице часть благодарителне песме, часть песме погребѣ; а

Димитрій Мохила стаяо є єднако на авліи замка, и притискивао Анино дете къ своимъ прсима. Глава му є къ развалинама куле подигнута была; у нѣговымъ очима почивале су топле сузе.

Године су прошле; на развалинама замка буде подигнута могила, а надъ овымъ гробомъ за мртваце капела за вечитый честный спомень Ане Якубовскове. На другомъ месту буде новъ замакъ сазиданъ, али не онакавъ као старый. — Димитріє Мохила боріо се съ кралѣмъ Іованомъ кодъ Беча и у Унгарской противу Турака, постао є после козачкій Хетманъ, и браніо є као таковый помоћу Мелодаца Подолію противу нападаня Турака. Свуда га є пратио малый Якубовскій, одъ кога се ніє хтео раздвоити. Мохила є често говоріо у себи и предъ другимъ людама: „Ово є мой питомецъ, сынъ Анинь!“

Протекоше іоштъ многе, врло многе године, велике вароши Слободице, новогъ замка и капеле нестале, као што є старогъ замка нестало. О породици Мохиловой нечує се нигди

ништа у козачкой земльи; козачка пакъ фамилія
Якубовскова садъ се иза Днѣпра преселила. —

Слободица є данасъ одъ вароши поставл
прилично село, и опеть зато преповеда таме
свакій, одъ старца па до малогъ детета, као др
є юче было, о Димитрію, Ани, старомъ замку
некадашнѣмъ народу на Хнилопіяту.

9. XI. 1962

